

МИР А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА: ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ОЦЕНКИ, КОНТАКТЫ

DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.001
УДК 821.161.1-3 Солженицын +
+ 821.161.1-1 Твардовский +
+ 316.343.725

Е. Г. Серебрякова
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия

«БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ» А. СОЛЖЕНИЦЫНА В КОНТЕКСТЕ ЭТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1960–1970-х гг.

Автор статьи исследует трактовку вопросов этики представителями советской интеллигенции 1960–1970-х гг. В качестве примера взята книга А. Солженицына «Бодался теленок с дубом».

Автор заявляет, что советские ученые в 1960-е гг. акцентировали общечеловеческий характер морали, осмыслили проблему соотношения универсальных и классовых ценностей в социальной практике. Этические концепции носили предписывающий характер, им был свойственен нравственный ригоризм. Нравственный ригоризм был также свойством сознания творческой интеллигенции, которая традиционно осмысливала себя и общественные процессы в этических категориях. Интеллигенция была убеждена в просветительской миссии сообщества, и это накладывало определенные моральные обязательства. Интеллигент должен демонстрировать обществу поведенческий образец, служить высоким идеалам.

Поведение Солженицына оценивалось неконформистами как образцовое. Он декларировал ориентацию на общечеловеческие ценности, провозглашал главными этическими критериями правду, совесть и ответственность писателя перед народом.

Анализ книги «Бодался теленок с дубом» показывает, что этика была для Солженицына инструментальной ценностью в идеологической борьбе с государством. Рассказывая о взаимоотношениях с Твардовским и редакцией журнала «Новый мир», писатель отступил от правды ради идеологии. Он стремился доказать, что сотрудничество с государством разрушает личность. Это произошло с Твардовским, вступившим в компромисс со своей совестью. Честный человек должен бороться с государством.

© Серебрякова Е. Г., 2019

Автор стоит на позиции нравственного ригоризма, провозглашает оппозиционное поведение как единственно ценное с нравственной точки зрения. Такая позиция была типична для советских диссидентов 1960–1970-х гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Солженицын; Твардовский; либеральная советская интеллигенция; диссиденты; этические концепции 1960–1970-х гг.

Ц и т и р о в а н и е: *Серебрякова Е. Г.* «Бодался теленок с дубом» А. Солженицына в контексте этических исканий советской интеллигенции 1960–1970-х гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 11–22.

Поступила в редакцию 04.11.2018

Принята к печати 09.01.2019

Elena G. Serebryakova

Voronezh State University

Voronezh, Russia

**THE OAK AND THE CALF BY ALEKSANDR SOLZHENITSYN
IN THE CONTEXT OF ETHICAL QUEST
OF THE SOVIET INTELLIGENTSIA OF THE 1960s–1970s**

This article considers interpretations of ethical issues by representatives of the Soviet intelligentsia with reference to A. Solzhenitsyn's *The Oak and the Calf*.

The author argues that in the 1960s, Soviet scholars emphasised the universal character of morality, comprehending the problem of correlation of universal and class values in social practice. Ethical concepts were prescriptive and characterised by moral rigorism. Moral rigorism was also a feature of consciousness of the creative intelligentsia who traditionally perceived themselves and social processes through ethical categories. The intelligentsia were convinced of the educational mission of the community, which imposed a certain moral obligation. An intellectual had to set a behavioural pattern for society and serve noble ideals.

Solzhenitsyn's behaviour was perceived as exemplary by nonconformists. He demonstrated a focus on universal values and proclaimed the truth, conscience, and responsibility of a writer to the people the main ethical criteria.

The analysis of *The Oak and the Calf* demonstrates that for Solzhenitsyn, ethics had instrumental value in his ideological struggle with the state. Speaking of his relationship with Tvardovsky and the editorial board of the *Novyi Mir* magazine, the writer deviated from the truth for the sake of ideology. He sought to prove that cooperation with the state destroyed the individual. This happened to Tvardovsky who compromised with his conscience. An honest man must fight with the state.

The author is committed to the position of moral rigorism considering oppositional behaviour the only valuable form of behaviour from the moral point of view. This position was typical of Soviet dissidents of the 1960s–1970s.

К е у в о р д с: Solzhenitsyn; Tvardovsky; liberal Soviet intelligentsia; dissidents; ethical concepts of the 1960s–1970s.

Citation: Serebryakova, E. G. (2019). "Bodalsya telenok s dubom" A. Solzhenitsyna v kontekste eticheskikh iskanii sovetskoj inteligentsii 1960–1970-h gg. [*The Oak and the Calf* by Aleksandr Solzhenitsyn in the Context of Ethical Quest of the Soviet Intelligentsia of the 1960s–1970s]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 1 (184), 11–22.

Submitted on 04 November, 2018

Accepted on 09 January, 2019

Этика является значимым компонентом мировоззрения и играет существенную роль в личностном и поколенческом самоопределении. Ответить на вопрос «кто мы?» невозможно без нравственной самооценки. Социальные процессы также осмысливаются гражданами с учетом их этической характеристики. Восприятие событий общественной жизни как морально оправданных или, напротив, неприемлемых диктует модель гражданского поведения, формирует социальную идентичность. Таким образом, осмыслить место этики в аксиологии интеллигенции — сообщества, в котором нравственная рефлексия традиционно культивируется как неотъемлемое и обязательное свойство, значит дать существенную характеристику самосознанию поколения.

Советская этика базировалась на следующих марксистских принципах: нравственность носит исторический и объективный характер, мораль есть превращенная форма общественного сознания, а именно идеологии, используемой господствующим классом для укрепления и сохранения собственной власти. В ценностной иерархии общечеловеческая мораль доминирует, но в ситуации обостренной политической борьбы становится отдаленным идеалом, а приоритетом пользуется мораль социально-классовая. Таким образом, марксизму свойственен нравственный утилитаризм, определивший механизмы «моральной идеологии» 1930–1950-х гг. Абдусалам Гусейнов так характеризовал позицию Льва Троцкого, выраженную в статье «Их мораль и наша» (1938): «Нельзя применять одинаковые моральные категории к действиям революционеров и реакционеров, к “нам” и к “ним”, “нам” дозволено делать то, что категорически запрещено “им”, “мы” убиваем — хорошо, “они” убивают — плохо. Граница, отделяющая добро от зла, совпадает с линиями, разделяющими современное общество на противоборствующие классы. Этика смыкается с политикой» [Гусейнов, с. 3]. Вывод философа применим и к более поздним периодам советской истории.

Главное событие «оттепели» — доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» не нарушал традиции. Основная цель — преодоление сталинских методов руководства страной — была мотивирована политической необходимостью — восстановлением социалистической законности и коллегиальных методов партийного управления. Этическая аргументация использовалась как дополнительный метод обоснования политических решений: восстановление ленинских методов управления страной трактовалось как возвращение к гуманистической сути революционных преобразований. Без морального осуждения сталинизма невозможно восстановление законности и принципов

демократического управления страной. Этика использовалась утилитарно, как инструмент политики.

Философская мысль, призванная обеспечить мировоззренческое обоснование новому курсу, актуализировала антропологическую проблематику. Одним из следствий этого процесса явилось выделение этики, составлявшей в 1930–1950-е гг. один из разделов социальной философии, в самостоятельную дисциплину. Одним из направлений этики было исследование соотношения общечеловеческих и социально-классовых ценностей. Термин «общечеловеческие нравственные ценности» имел секулярное толкование. Христианские нормы морали входили в него как выражение общечеловеческого нравственного закона. Не выходя за рамки исторического материализма, Александр Шишкин [1959], Яков Мильнер-Иринин [1999] трактовали мораль как позитивный и общечеловеческий феномен, обосновывали официально прокламируемые моральные ценности — коллективизм, добросовестный труд — как исторически выработанные общегуманистические идеалы. В концепциях Леонида Архангельского [1969], Гелы Бендцеладзе [1967], Зои Бербешкиной [1974], Людмилы Волченко [1978] и других акцентировалось общечеловеческое содержание морали, создающее аксиологический язык для широкого общественного диалога поверх классового антагонизма и идеологических противостояний. Общечеловеческая, классовая и индивидуальная мораль, по мнению философов, могут и должны быть согласованы между собой. Из этого суждения следовал практический вывод, весьма значимый в качестве регулятора социального поведения личности: этика не разделяема на прикладную — низовую, применимую в быту, и высоко-теоретическую. Каждый поступок человека, в частной жизни или социальной, является нравственным или нет, выявляет меру личностной сопричастности общечеловеческой морали. Этические концепции носили предписывающий характер. Так, практическая направленность этических учений, типичная для русской философии, привела к морально-нравственному ригоризму советской философии 1960-х гг.

В сознании интеллигенции нравственный ригоризм имел свой источник — убежденность в просветительской миссии сообщества, накладывающей определенное моральное обязательство: демонстрировать обществу поведенческий образец служения высоким идеалам. Повседневная и профессиональная жизнь переживались как культуротворческая деятельность. В самосознании писателей мессианское восприятие художника подкреплялось литературоцентризмом и диктовало представление о необходимости духовного соответствия творца роли учителя. «Поэт в России больше, чем поэт» (Евгений Евтушенко) — эта нравственная максима осознавалась и читателями, и писателями как непреложная истина.

Безусловно, самоопределение интеллигенции в те годы было чрезвычайно многоплановым и неоднозначным. Единым было традиционное осмысление себя и общественных процессов в этических категориях. Раскол на либералов и консерваторов проходил постепенно, выявлялся в решении как социальных,

так и морально-нравственных вопросов. Являются ли нравственные ценности абсолютными или определяются классовым сознанием, они автономны от сиюминутной политической выгоды или подчинены идеологии? Ответы формировали личностное моральное сознание, определяли поведение и по мере ужесточения партийного контроля всё явственнее разделяли сообщество.

Для либеральной интеллигенции нравственные ценности безусловны, представляют константы бытия. Эта мировоззренческая позиция предполагала нравственные действия как в социальной, так и в профессиональной сферах. Осмысляя свою общественную роль как просветительскую, нонконформисты видели профессиональный долг перед народом в духовном высвобождении и раскрепощении сознания нации, «разбуживании общественного сердцебиения» [Солженицын, с. 69]. Так политическая цель — десталинизация — получила этическое наполнение и потребовала практической реализации: духовное очищение нации возможно после открытия всей полноты правды о бесчинствах сталинского режима. Рассказать о них — миссия художника. Главными моральными требованиями в профессии выступали совесть, правда, искренность. Совесть требовала полной, без купюр правды о времени и положении народа. Искренность не допускала оглядки на возможное недовольство власти, предполагала свободомыслие, реализованное в критическом высказывании. Задача литератора определялась как борьба с ложью и полуправдой.

Консервативная часть сообщества опасалась непредсказуемости социальных последствий в случае коренных реформ и соглашалась с функциональным толкованием нравственных ценностей. Соответственно, допускалась дозированная информация о сталинских репрессиях и их жертвах, соответствующая политическому моменту. Сосредоточенность литераторов-нонконформистов на травматичных событиях прошлого воспринималась как подрывающая в читателе оптимизм и веру в исторический прогресс. Совесть подчинялась партийной дисциплине. Литературное поведение предполагало солидарность с курсом партии, исполнение ее директив.

Личность Александра Солженицына осмыслялась общественным сознанием в период «оттепели» как сверхзначимая. И противники писателя, и его сторонники не сомневались в актуальности его творчества, были убеждены в исключительности литературного дарования и воспринимали предложенную им модель литературного и социального поведения как знаковую. По мере усиления официальных гонений в адрес писателя (запрет публикаций, шельмование в прессе и пр.) отношение к личности Солженицына становилось пробным камнем на принадлежность к либеральному или ортодоксальному лагерю. Вот лишь некоторые оценки современников: «Он был в моих глазах Алигьери, творцом “Архипелага ГУЛАГ”» [Чуковская, т. 2, с. 103]; «Да, он фанатик литературы. Аввакум XX века» [Лакшин, с. 340]; «У Льва Толстого и Чехова есть достойный продолжатель» [Чуковский, т. 2, с. 137]. Показательны механизмы создания знаковой фигуры: литературная общественность использует прием проекции. На его личность накладываются образы титанов мировой литературы,

укрупняя фигуру современника. Так писатель получал статус металитературного персонажа.

Однако его реальное положение в художественном процессе было маргинальным: исключение из Союза писателей сопровождалось запретом публикаций и «разоблачениями» в официальной прессе. В этих условиях литератор избрал единственно верную тактику: не обороняться, а нападать, укреплять в общественном сознании свой статус борца с неосталинизмом.

Для русской культуры традиционно ожидание соответствия цели и средств: чем серьезнее жертвы, тем значимее цель. Заявляя о готовности жертвовать семьей: «Наши дети не дороже памяти замученных миллионов» («Бодался теленок с дубом») [Солженицын, с. 388], да и самой жизнью: «Никому не перегородить путей правды, и за ее движение я готов принять и смерть» («Письмо IV съезду Союза советских писателей») [Там же, с. 83], Солженицын максимально обобщает свое представительство. Он защищает правду, справедливость, и нравственная наполненность его миссии предопределяет победу если не реальную, то моральную. Публицистические выступления писателя 1960–1970-х гг. создавали летопись противостояния правды и лжи, свободы и тирании. Итог исторической битвы не вызывал у него сомнений: Солженицын внушал читателям социальный оптимизм, заимствованный из лексикона русской классической и советской литературы. Конечная цель — пересоздание действительности по законам правды — типична для позиции художников слова не только XIX в. (на чем применительно к своей миссии настаивал писатель), но и для официального дискурса, от чего Солженицын декларативно отрекался.

Поведенческая стратегия по созданию образа пламенного борца с тоталитаризмом была продуманной и точной. Работа над главной книгой «Архипелаг ГУЛАГ» сопровождалась созданием Фонда Солженицына, принявшего на себя обязательства по оказанию помощи политзаключенным. Общественная деятельность, таким образом, становилась продолжением литературной, статус бесстрашного борца с системой подкреплялся все новыми протестными практиками, всегда наступательными, демонстративными. Писатель нашел точный тип литературно-социального поведения, способствующий переориентации общественного сознания: властителем дум постепенно становился не признанный в официальной иерархии, а гонимый литератор.

Следующий непреломный шаг упрочения позиции — популяризаторство. Протестные акции не могут носить анонимный характер, напротив, авторство должно быть закреплено, а сущность требований известна как можно большему числу граждан. Показательно, что открытые письма (к середине 1960-х гг. — традиционный прием нонконформистов во взаимодействии с властными структурами) Солженицын, как правило, адресовал не в газеты или местные партийные органы, что означало бы путь «снизу вверх», а руководящим институтам и персонам: «Письмо IV съезду Союза советских писателей» (1967); «Открытое письмо Секретариату Союза писателей РСФСР» (1969); «Письмо М. А. Суслову» (1970); «Письмо всероссийскому Патриарху Пимену» (1972);

«Письмо вождям Советского Союза» (1973), позиционируя себя как равную величину, воплощающую совесть народа. Дискурс открытых писем обличительный. Автор выступал в роли не просителя, а требовательного и категоричного судьи, ниспровергающего погрязших во лжи партийных и литературных чиновников. Например, в «Письме IV съезду Союза советских писателей» литератор требовал поставить на обсуждение вопрос о гарантиях защиты писателя от произвола государства и отмене цензуры. Едва ли автор в самом деле ожидал решения этих вопросов, однако провокация виделась неременным тактическим приемом в борьбе за свои права в литературном и общественном пространстве. Солженицын провозглашал бескомпромиссность гражданской позиции, непримиримость ко лжи в художественном высказывании и социальной практике как обязательные свойства личности. В профессиональном поведении литератор продемонстрировал нравственный ригоризм.

В 1970-е гг. идеологическое противостояние либеральной интеллигенции и власти приобрело необратимый характер, интенсифицировало системное отчуждение нонконформистов на разных уровнях: от государства, общественных институтов, идеологии, самой морали. К убеждениям в нравственной несостоятельности режима добавилась уверенность в исторической бесперспективности социализма. Социальный идеал либеральной интеллигенции 1960-х гг. — «социализм с человеческим лицом» — сохранял свою значимость для «истинных ленинцев». Представители других ветвей оппозиции («либералы-западники», «националисты», «религиозники») были едины в неприятии режима по этическим, идейным и идеологическим мотивам. Исходный тезис о необходимости соответствия реформ моральным ценностям не был переосмыслен, но молодое поколение нонконформистов усиленно искало новый социальный идеал вне официально очерченного исторического вектора.

В целях воздействия на общественное мнение власть усиливала социальную дискриминацию нонконформистов: увольнение с работы, запрет публикаций, уголовное преследование, высылка из страны. В этих условиях диссидентство для многих стало профессией. Поставленные государством в положение маргиналов, члены сообщества переживали отчуждение от государства и социума. В профессиональном плане это кризисное психологическое состояние воплотилось в остром переживании невозможности реализовать творческий потенциал в пространстве официальной культуры. Сам- и тамиздат позволяли нонконформистам не подчиняться директивным требованиям, а руководствоваться в профессии внутренними побуждениями, реализовывать ценности свободы творчества и научной мысли.

Отчуждение от государства выражалось в недоверии к властным и общественным институтам, уверенности в их враждебности гражданину. В советском обществе, по массовому убеждению инакомыслящих, не закон и государство существуют ради людей, а люди являются рабами государства и закона. Взаимодействие с властью осмыслялось как принудительно навязанное, лишённое смысла и ценности. В статье «Жить не по лжи» (1974) Солженицын призывал

соотечественников в повседневной-бытовой практике бойкотировать всякие социально-политические акции государства. Неприятие лжи, как учил автор, должно повлечь за собой действенное от нее уклонение: отказ подписывать документы, содержащие фальшь, выписывать и читать официальные газеты, голосовать на выборах за сомнительных кандидатов, участвовать в собраниях, демонстрациях и пр. Категоричность нравственных императивов, способная привести личность к асоциальности, выдвигалась как единственно приемлемая для честного человека позиция.

Жизненный и профессиональный опыт оппозиционеров значительно скорректировал нравственную позицию. В мире, расколотом по идеологическому принципу на «своих» и «чужих», с единомышленниками было необходимо соблюдать этические нормы, а с врагами действовало правило «на войне как на войне». Декларируя приоритет общечеловеческих ценностей (честности, справедливости, самопожертвования во имя правды и т. д.) над социально-классовыми, диссиденты были вынуждены искать эффективные средства борьбы с режимом, а значит, на практике, в условиях неутраченного политического противостояния приходили к утилитарному использованию этики.

В аксиологии диссидентского сообщества мораль из базовой ценности все настойчивее вытеснялась в инструментальную. Соответственно, в публичных декларациях (статьях, курсирующих в сам- и тамиздате, речах и выступлениях, автобиографической прозе) сохранялся категорический императив, на практике реализовывался прагматизм. Результатом могла стать раздвоенность морального сознания, при которой один и тот же человек среди единомышленников демонстрировал бескомпромиссность и честность, но, руководствуясь профессиональной логикой, в соответствующих обстоятельствах действовал по принципу «цель оправдывает средства».

Утилитарная этика находила выражение не только в гражданской практике, но и в литературном поведении диссидентов, определяла специфику нравственных оценок, задавала авторскую оптику в текстах. Показательным примером являются мемуары А. Солженицына «Бодался теленок с дубом».

Знакомство с книгой вызвало обиду, возмущение и горечь у всех, кто не понаслышке знал подлинную историю взаимоотношений А. Твардовского, А. Солженицына и редакции «Нового мира». Дочь А. Твардовского была поражена несоответствием восторженных посланий писателя ее отцу обвинениям журнала в компромиссности, «жизни на коленях». Она замечала:

Когда читаешь письма А. И. Солженицына, сохранившиеся в архиве А. Т. (Александра Трифоновича. — *Е. С.*), не оставляет ощущение, что «Теленка» написал совсем другой человек [Твардовский, т. 2, с. 572].

Еще более эмоционально отреагировал В. Лакшин:

Когда летом 1975 года я прочитал впервые изданные в Париже мемуары Солженицына, не сразу мог поверить, что это им написано, подумал, что заболелаю. Слишком я любил и почитал этого человека и писателя, чтобы равнодушно выслушать его, мягко

говоря, пристрастный суд о журнале «Новый мир», о Твардовском, о людях, которых близко знал. Невеликодушие его памяти меня ошеломило [Лакшин, с. 124–125].

Впрочем, в отличие от друзей и родных, сам Твардовский умел разделять в Солженицыне личность и художника, понимая, что этика личная в его случае не равна творческой. В 1968 г., в дни отчаянной борьбы за Солженицына на секретариате СП, записал в дневнике:

Для него мы, т. е. «Новый мир» и я — одно из звеньев враждебной ему системы, которое ему удалось прорвать и которому он не чувствует себя сколько-нибудь обязанным <...> не хочет он уронить себя в глазах «Запада», потерять интерес, питаемый к нему там [Твардовский, т. 2, с. 147, 149].

Суждение А. Твардовского помогает осознать мотивы действий человека, вызывавшего к современникам «жить не по лжи» и создавшего фальсифицированную историю своих отношений с главным демократическим журналом эпохи.

Концепция книги «Бодался теленок с дубом» логически выверена и сведена к решению главной задачи — доказать, что современное советское государство не изменило сталинским методам управления страной, осталось антигуманным и безнравственным. Служить ему, находиться внутри системы — значит обречь себя на духовную гибель. Деформация личности в таком случае неизбежна. Этот тезис подтверждает судьба Твардовского, когда-то талантливого поэта и незаурядного человека, а теперь типичного советского редактора. Он авторитарен, окружил себя угодливыми сотрудниками. Моменты нравственного просветления или потрясения, как после знакомства с книгами подлинной правды, например, с его, Солженицына, творениями, сопровождаются пьянством — попытками заглушить больную совесть.

Единственный способ уберечь душу от гибели — исключить даже мысль о возможном вживании в систему, построить обособленное, отдельное существование, погрузиться в творчество и руководствоваться не житейскими целями — опубликованием, признанием и пр., а бытийными — осознать свое писательство как миссию. Так Солженицын выстроил свою онтологию: за правду о времени писатель ответственен не перед властью земной, а перед Богом, только ему подвластен. Казалось бы, толкование писательства как божьего поручения вполне в духе православной традиции. Агиографические мотивы, обильно снабжающие текст, призваны усилить это впечатление. Однако религиозные аллюзии подчинены идеологической задаче, указывают на христианство как на иную идеологию, отличную от марксистской, противостоящую ей. Вероятно, этот прагматизм в обращении к религии и ощутил В. Лакшин, когда утверждал: «В христианство его я не верю» [Лакшин, с. 173].

Деспотия государства, убежден автор, есть проявление политической слабости. Осознав это, личность, сохранившая гражданскую совесть, выберет единственно достойную модель поведения — героическое сопротивление. Тирании Солженицын стремится противопоставить сокрушительную энергию духовно свободной личности. Его личный пример — наглядное свидетельство

небесполезности борьбы одиночки с системой. Так в книге рождается миф о «литераторе-подпольщике», ведущем индивидуальную войну с режимом. Единомышленники (Юлий Даниэль, Андрей Синявский, Петр Григоренко, Рой и Жорес Медведевы и др.) упомянуты в тексте, но составляют задний план. На авансцене действует герой-одиночка, опережающий политических врагов в скорости нанесения ударов, вынуждающий власть обороняться от его наступательной тактики и в конце концов побеждающий в схватке за схваткой.

Такая художественная модель мира должна была утвердить в сознании читателей непреложность очевидной, по мнению автора, истины: государство, нуждающееся в смене социального строя, должно и может быть преобразовано. Для этого достаточно единства воли и нравственных усилий всех граждан. «Я никогда не сомневался, что правда вернется к моему народу. Я верю в наше раскаяние, в наше душевное очищение, в национальное возрождение России» — гласят финальные строки [Солженицын, с. 619]. Политика вновь проверяется этикой, ценности общечеловеческие подчиняются решению идеологической задачи.

Солженицын писал «Теленка» в течение 8 лет. За это время литератор был выслан из страны, сменились не только обстоятельства места и времени, но и адресат книги. Предназначавшаяся для самиздата, первоначально она должна была внутри страны мобилизовать потенциальных последователей, воспитать плеяду учеников, готовых повторить предложенную автором модель поведения. Книга могла стать еще одним актом гражданского неповиновения. Однако завершалась работа над текстом за границей. Массовому западному читателю тех лет, утвердившемуся в восприятии СССР как «империи зла», без сомнения, была понятна нарисованная автором картина советского общества как нравственно разложившегося, деморализованного, а значит, исторически обреченного. Успех книги, конечно, входил в планы автора, тем более что цели коммерческие в данном случае соответствовали идеологическим. Художественная логика совпала с внелитературной мотивацией и определила завершенность концепции произведения.

Как видим, нравственный ригоризм не помешал автору нарушить этические нормы. Воспринимая мораль как инструмент политического расшатывания системы, Солженицын считал себя вправе отступать от ее универсальных правил при создании мемуаров, на его взгляд идеологически верных в показе классовой борьбы диссидента с тиранией. Несоответствие друг другу общечеловеческой и творческой этики объясняется не особенностями психотипа личности (так комментировали текст Лакшин и Кондратович), а подчиненностью этики идеологическим задачам, первичным в профессиональной логике Солженицына.

Этическая позиция Солженицына, реализованная в мемуарах «Бодался теленок с дубом», отразила не только личностное, но и групповое сознание диссидентов.

Современный философ Юлий Шрейдер выявил опасность утилитарной этики:

...субъект легко абсолютизирует относительное добро. И тогда добро становится соблазном совершить зло. Это значит, что такая комбинация добра и зла оценивается в этой системе как добро. <...> она ориентирует человека не на то, как распознать то, что дурно, и отказаться от зла, но на непременно достижение некоторого блага, которое, тем самым, становится в его глазах абсолютным и превращается в опасный соблазн. Это верно не только в применении к отдельному субъекту, но и к общественным группам, борющимся за свои права, за справедливость. Эти несомненные блага легко превращаются в соблазн, толкающий на преступление, когда ставятся над всеми иными ценностями — прежде всего над любовью и милосердием [Шрейдер, с. 573].

Философ точно подметил последствия подчинения морали логике и практике идеологического противостояния. Неоднозначность морального сознания определила поведенческие и профессиональные стратегии, сформировала специфику публицистического высказывания и тип нарратива как Солженицына, так и других диссидентов.

Источники

Лакшин В. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» // Лакшин В. Солженицын и колесо истории. М. : Вече : АЗЪ (Знатнов), 2008.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж : YMCA-PRESS, 1975.

Твардовский А. Новомирский дневник : в 2 т. М. : ПРОЗАиК, 2009.

Чуковская Л. Процесс исключения // Чуковская Л. Соч. : в 2 т. М. : Гудьял-Пресс, 2000. С. 5–147.

Чуковский К. Дневник. 1901–1969 : в 2 т. М. : ОЛМА-ПРЕСС : Звездный мир, 2003.

Исследования

Архангельский Л. Лекции по марксистско-ленинской этике. Ч. 1 : Методологические проблемы. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1969.

Бендцеладзе Г. Актуальные проблемы марксистской этики : сб. ст. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1967.

Бербешкина З. Проблема справедливости в марксистско-ленинской этике : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1974.

Волченко Л. Марксистско-ленинская этика : курс лекций. Ч. 3 : Система общих категорий этики. М. : Изд-во МГУ, 1978.

Гусейнов А. Этика и плюрализм // Этическая мысль : Научно-публицистические чтения. 1991 / общ. ред. А. А. Гусейнова. М. : Республика, 1992.

Мильнер-Иринин Я. Этика, или Принципы истинной человечности. М. : Наука, 1999.

Шишкин А. Из истории этических учений. М. : Госполитиздат, 1959.

Шрейдер Ю. Загадочная притягательность философии (субъективные заметки) // Как это было: воспоминания и размышления / под ред. В. А. Лекторского. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 547–579.

References

Arkhangelsky, L. (1969). *Leksii po marksistsko-leninskoy etike* [Lectures on Marxist-Leninist Ethics] (Pt. 1: *Metodologicheskiye problemy* [Methodological Issues]). Sverdlovsk: Ural University Press. (In Russian)

- Bendtseladze, G. (1967). *Aktual'nyye problemy marksistskoi etiki: sbornik statei* [Relevant Issues of Marxist Ethics. A Collection of Articles]. Tbilisi: Tbilisi University Press. (In Russian)
- Berbeshkina, Z. (1974). *Problema spravedlivosti v marksistsko-leninskoi etike: uchebnoye posobiye* [The Problem of Justice in Marxist-Leninist Ethics: A Textbook]. Moscow: High School. (In Russian)
- Guseinov, A. (1992). *Etika i pluralizm* [Ethics and Pluralism]. In A. A. Guseinov (Ed.), *Eticheskaia mysl': Nauchno-publitsisticheskie chtenia. 1991* [Ethical Thought: Scholarly Journalistic Readings. 1991] Moscow: Respublica. (In Russian)
- Milner-Irinin, Ya. (1999). *Etika, ili Printsipy istinnoy chelovechnosti* [Ethics, or the Principles of True Humanity]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Shishkin, A. (1959). *Iz istorii eticheskikh ucheniy* [From the History of Ethical Teachings]. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian)
- Schrader, Ju. (2010). *Zagadochnaia pritiagatel'nost' filosofii (sub'ektivnye zametki)* [The Mysterious Appeal of Philosophy (Subjective Notes)]. In V. A. Lektorsky (Ed.), *Kak eto bylo: vospominaniia i razmyshleniia* [How It Happened: Memoirs and Thoughts]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Volchenko, L. (1978). *Marksistsko-leninskaya etika: kurs lektsij* [Marxist-Leninist Ethics: A Course of Lectures] (Pt. 3: *Sistema obshchikh kategoriy etiki* [The System of General Categories of Ethics]). Moscow: MSU Publishing House. (In Russian)

Серебрякова Елена Геннадьевна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории философии и культуры
Воронежский государственный
университет
394018, Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Serebryakova, Elena Gennadyevna
PhD (Philology), Associate Professor
Department of the History of Philosophy
and Culture
Voronezh State University
1, University Sq., 394018 Voronezh, Russia
Email: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru